

Долго сидя в одиночестве, генерал Хо размышлял обо всем. Кто виноват в сложившейся ситуации? Он сам, он должен был раньше признаться. Или Жун Лоюнь, с его внешностью, мастерством боевых искусств и такой гордой, но милой натурой. Он пришел, чтобы наказывать злодеев, но вместо этого влюбился...

Самыми виноватыми были отец и сын Дуань. Лучше разрушить храм, чем разлучить пару — какая глупость. И Будда, молитвенные таблички висят так высоко, но все идет не так, как хотелось бы.

Хо Линьфэн вздохнул и с горечью закрыл глаза.

У подножия горы Лэнсан бледная фигура двигалась на восток, с мечом в руке, с каменным лицом, одежда была испачкана большими пятнами крови. Шаги Жун Лоюня были тяжелыми, и он шел долго-долго, пока не достиг ворот дворца, где напугал патрульных учеников.

Кто-то побежал в Зал Чэньби с сообщением:

— Второй господин ранен, весь в крови!

Дуань Чэньби и Дуань Хуайкэ поспешно вышли и ждали у подножия платформы Мяоцан. В глубине длинной улицы Жун Лоюнь медленно приближался, выглядел подавленным и одиноким.

Когда он подошел ближе, Дуань Хуайкэ окликнул его:

— Лоюнь?

Жун Лоюнь очнулся и пробормотал:

— Учитель, старший брат.

Дуань Чэньби спросил:

— Где ты так изувечился?

Жун Лоюнь ответил:

— В лагере, я ударил Ду Чжуна мечом.

Он слегка задумался и поправился:

— Нет, это был Хо Линьфэн, я ударил Хо Линьфэна мечом.

Дуань Хуайкэ сказал:

— Нет разницы, Ду Чжун и есть Хо Линьфэн.

Жун Лоюнь яростно покачал головой. Как Ду Чжун мог быть Хо Линьфэном? Ду Чжун не существовал, но он был невиновен, во всем виноват Хо Линьфэн... Он не мог понять этого и не хотел.

Дуань Чэньби махнул рукой и легонько выругался:

— Не думай ерунду, иди в зал тренироваться.

Жун Лоюнь послушно поднялся на платформу Мяоцан и вошел в боковой зал Зала Чэньби для тренировок.

Он сел на подушку, закрыл глаза, чтобы успокоиться, и начал повторять первую ступень мантры «Ладонь, Достигающая Облаков». Когда он ошибался в слове, Дуань Хуайкэ рядом ударял его палкой.

Он ошибался снова и снова, получил более десятка ударов по спине, и его брови скрутились в узел. Вскоре Дуань Хуайкэ первым сдался и с досадой сказал:

— Встань, иди к столу и перепиши мантру пятьдесят раз.

Жун Лоюнь снова послушно пошел переписывать, но с первой же строчки сделал ошибку, и Дуань Хуайкэ наконец не выдержал.

— Хо Линьфэн ушел, и забрал с собой твою душу? — сказал Дуань Хуайкэ. — Обнаружить шпиона в нашем дворце и избавиться от него — это должно быть приятно и облегчающе, почему ты выглядишь, как будто потерял родителей?

Жун Лоюнь опустил голову, продолжая писать, пока его ругали. Дуань Хуайкэ добавил:

— Это всего лишь потеря старшего ученика, мы можем найти нового, разве мир рухнет без Ду Чжуна?

Жун Лоюнь тихо сказал:

— Он мог победить тебя, где мы найдем такого?

Эти слова задели за живое, и Дуань Хуайкэ ударил по больному месту:

— Ты ценишь его только за его мастерство? Или потому что он красивый, сладко говорит и одурманил тебя?

Жун Лоюнь покраснел и начал писать быстрее. Как он мог быть одурманен? Узнав, что этот негодяй из Сайбэя, он сразу же отрезал свои чувства.

Видя его таким, Дуань Хуайкэ с досадой ругал его долгое время, пока не охрип.

— Ладно, иди в Безымянную обитель и переоденься в чистое.

Наконец он смилостивился:

— Успокойся и перепиши оставшееся, потом покажи мне.

Жун Лоюнь кивнул и с облегчением вздохнул.

Он положил кисть, встал и, словно мертвый, направился к двери, но у входа невольно остановился. Нерешительно и сомневаясь, он провел рукой по дверному косяку и запинаясь спросил:

— Старший брат, если меч попал в плечо, и вытекло много крови... это опасно?

Дуань Хуайкэ ответил вопросом на вопрос:

— Разве попадание мечом не опасно, только если тебя разорвут на пять частей?

Эти слова заставили Жун Лоюня нервничать, и он спросил:

— Могут быть последствия?

Дуань Хуайкэ ответил:

— Если кровопотеря сильная и рану плохо обработали, рука может перестать работать.

Его тон вдруг изменился, и он с любопытством спросил:

— Что, ты сделал командира кавалерии Сайбэя инвалидом?

Жун Лоюнь посмотрел на кровь на своей одежде, ничего не сказал и молча ушел.

В зале снова стало тихо. Дуань Хуайкэ наклонился, чтобы собрать кисти и чернила, и мельком взглянул на то, что написал Жун Лоюнь. Этот взгляд оказался роковым, и он с любопытством прочитал вслух:

— Если я ошибся в переписывании, просто заставь меня переписать, зачем ругать меня?

— Мне все равно, что ты чувствуешь облегчение, не лезь ко мне, я в трауре.

— Я не боюсь, что мир рухнет, но если это произойдет, он сначала раздавит тебя, такого высокого.

— Ду Чжун действительно сильный в боевых искусствах, я помню, как ты проиграл ему в тот день, когда ты планируешь уйти в затворничество на год?

— Он не одурманил меня, но ты ругаешь меня так, что я теряю голову, неудивительно, что я ошибся.

Дуань Хуайкэ дрожал от гнева, что это он написал?! Притворялся послушным, изображал покорность, а у него на глазах такое, что ж, в своем доме он, наверное, делает куклы для проклятий?!

Конечно, до этого не дошло, Жун Лоюнь уже был у ворот Безымянной обители.

Открыв дверь, он увидел разбитый сосуд, красных карпов нигде не было видно, вероятно, их утащила дикая кошка. Он позвал учеников, чтобы убрать все, и почувствовал, что двор стал пустым.

Он вошел в дом, переоделся, вымыл волосы и, лениво вытирая их, завязал их в маленький пучок на макушке. Запершись в кабинете, он собирался сосредоточиться на переписывании мантры, но заметил карту на столе.

Это была карта города Ханьчжоу, Хо Линьфэн нарисовал две копии на всякий случай. Жун Лоюнь задумался, тот человек, проникший во дворец, разве он не делал ничего, чтобы помешать им? Вначале он завоевал его доверие, потому что был очень полезен...

Размышляя об этом, он сложил карту и вдруг заметил маленький узор облака в нижнем углу.

Узор облака... потому что это было для него, он нарисовал облако? Он встал, вышел из

кабинета и подобрал разбитый фонарь в зале. Узор облака на бамбуковой ручке был таким же, как на карте. Затем он вошел в спальню, где разбитый воздушный змей лежал в беспорядке, и уже невозможно было найти изображение травы Ду Чжуна.

Жун Лоюнь собрал все эти вещи, запер их в шкафу и сказал себе, чтобы больше не думал об этом.

Сегодняшний удар мечом должен был все завершить.

Но завершение или нет, боль была реальной.

Хо Линьфэн терпел весь день, и к вечеру, когда он вернулся домой, его лицо было бледным, как полотно. Вернувшись в резиденцию генерала, увидев Ду Чжэна, он не выдержал и с грохотом упал на кровать.

Ду Чжэн, управляющий, суетился, вызывая врача, готовя отвар, принося бинты и горячую воду, а затем заказал целый стол еды для восстановления крови и энергии. Хо Линьфэн лежал и наблюдал за этим, чувствуя себя так, будто он вот-вот родит...

Закрыв дверь, Ду Чжэн начал обрабатывать рану Хо Линьфэна, и, сняв одежду, был потрясен. Рана была очень глубокой, порошок смешался с кровью, превратившись в грязь, что выглядело ужасно. Он едва не заплакал:

— Молодой господин, тебе больно?

Хо Линьфэн стиснул зубы:

— Управляющий, как ты думаешь?

Ду Чжэн заплакал, его узкие глаза стали еще уже. Хо Линьфэн отвел взгляд, вспомнив покрасневшие глаза Жун Лоюня, похожие на персиковый цветок, покрытый росой, или на звезду, смоченную дождем.

Резкая боль вернула его к реальности.

Перевязав рану, переодевшись и пройдя через иглоукалывание врача, Хо Линьфэн почувствовал, что голод постепенно перекрывает боль. Когда еда была готова, он неуклюже ел левой рукой, проглотив целую миску за несколько глотков.

Ду Чжэн подал ему еще, вчера молодой господин не ел ничего, а сегодня ел с таким аппетитом, может, дела пошли на лад? Он спросил:

— Молодой господин, Жун Лоюнь приходил к тебе?

Хо Линьфэн, жуя гуся, ответил:

— Да, приходил.

Ду Чжэн с волнением спросил:

— Он действительно простил тебя?

Хо Линьфэн, кусая курицу, ответил:

— Нет, он ударил меня мечом.

Ду Чжэн вскочил, оказывается, этот удар мечом был от Жун Лоюня?! Эти дикари с улицы действительно грубы, неравный брак, неудивительно, что все пошло не так! Он спросил:

— Молодой господин, значит, теперь все кончено?

Наоборот, подумал Хо Линьфэн, этот удар мечом, возможно, стал началом прощения. Если этого недостаточно, в следующий раз он подставит левое плечо. Его тело, словно отлитое из меди, может выдержать все, кроме ударов в пах, пусть Жун Лоюнь делает с ним что угодно.

Ду Чжэн был в отчаянии:

— Молодой господин, ну нельзя же найти какого-нибудь тихого...

Хо Линьфэн вытер рот, его правая рука немного восстановилась, и он встал, направившись в кабинет. Ночь была глубокая, он зажег лампу и сел за стол, чтобы собрать разорванную записку. Кусочек за кусочком, он склеивал их, уставая глазами и натирая пальцы.

Снова пошел дождь, стуча в окно.

Как будто одно сердце бьется в такт другому.

В третью стражу ночи, под дождем, записка была собрана, но генерал Хо все еще не спал. Надев плащ, он в одиночку вышел из дома и сел на лошадь. По пути он проехал мимо лагеря, и дежурные солдаты поспешно открыли ворота.

Хо Линьфэн махнул рукой, ему эти солдаты не нужны.

Проехав семь-восемь ли, он остановился у ворот Дворца Буфань, снова потревожив учеников на стенах. Цзоу Линь был на дежурстве и сразу же побежал доложить, но в третью стражу ночи все было погружено в темноту.

Чем дальше он шел, тем темнее становилось, только в Безымянной обители горел слабый свет.

Две красные свечи уже догорали, Жун Лоюнь переписывал мантру в семнадцатый раз.

<http://bllate.org/book/16167/1449406>